

**Поздравляем нашего коллегу: журналиста, поэта, барда,
вот уже 20 лет главного редактора пензенского
литературного журнала «Сура» Бориса Шигина с 70-летием!**

БОРИС ШИГИН

Россия

*** * ***

**В парке заснеженном стынут слова.
Ты им не веришь, и я им не верю.
Съела метель половину ствола
Каждого дерева. Только к апрелю**

**Черными-черными станут стволы,
Белыми-белыми помыслы станут.
Снежные горы, как будто волю,
Зиму утащат в холодные страны.**

**Теплым словам я поверить готов,
Взглядам горячим любовь обещаю...
Но у обросших зеленых стволов
Вновь почему-то тебя не встречаю**

*** * ***

**Прости за то, что раньше я родился
И старше вдвое.
За то, что петь пока не разучился:
Уж так я скроен.**

**Прости за то, что именем твоим я
Строку украсил.
Что дал дождям осенним это имя, –
Стал дождь прекрасен.**

**Но ляжет снег, остынет сердце, стихнет,
Как бунт метели.
И кто-то тихо спросит: что же стих вы
Свой не допели?**

**Да, не допел... но песня будет петься:
Не мной, тобою!
А как же сердце? Станет мое сердце
Твоей звездой.**

* * *

Ветер дунул, ветер грянул,
Листья – наземь. Холода.
Старый дуб – и тот, как пьяный,
Так куда уж нам, куда?

Пропадём ли, устоим ли
В этой страшной кутерьме?
Стонут листья, нам бы с ними,
Нам бы к ним — тебе и мне.

Их так много, им не страшно:
На миру и смерть красна...
Да куда уж в ряд калашный
После горького вина?

Жил я волком-одиночкой,
Так и сгину, не ищи.
Не ходи к оврагу ночью,
Не аукай, не свищи.

Сядь к окошку, песню вспомни,
До утра не жги огня...
Голос старенькой гармонии
Всё расскажет про меня.

* * *

Когда я в лес вхожу и нахожу вдруг клад
Лесного озера, меняется расклад
Привычных представлений: царь природы?
Помилуйте, слабее мы невзгоды,
И уж никак, поверьте, не цари.
Лежит на серебре воды зари
Вечерней пышная порфира.
Лист иван-чая – мягче кашемира...

И думаешь: кто ж царь земной, кто Бог?

Я человек? Меня упорней дятел,
Быстрее водорезка, крот смелей.
Сильнее ветер, шепчущий: приятель,
Природа – царь! А ты лишь раб при ней.

Не суетись, не пыжься, не старайся
Всё изменить, но изменяйся сам.
Не сильным, слабым в ноги поклоняйся,
Молись не пилорамам, а лесам.

И кровь уймется, и воскреснет разум,
Душа излечится, окрепнет дух.
И медленно, как прежде, раз за разом
Вернемся к мысли, что земля, как пух,

Должна быть матерью и нам, пока живущим.
Иначе все не так, и все не впрок...
Спасибо вам, врачи хопровской пущи,
Навек усвою мудрый ваш урок.

* * *

Не заглядывай в рот мне, Харон, –
Там ведь песня пока, не монета!
Вот когда она будет допета,
Жизнь свою позабуду, как сон.

Поплыву в твоей лодке, старик,
Разрезая подземные воды.
И увижу: иные народы
Населяют иной материк.

Заживу по законам иным.
Что в цене там – пока что не знаю.
Что отдам тому новому краю
Чем горды того мира сыны?

Только все ж попрошу у Богов,
Одного мне бы очень хотелось
Жизнь забудется, песня бы пелась
У зеленых земных берегов!

* * *

За озером – березовая роща,
Утиных стаяк метки на воде.
Без этой дали было бы мне проще
Определить познания предел.

Но есть она: то тихая, немая,
То давящая гулом облаков,
Манящая веселой краской мая,
Пугающая отблеском оков...

Уж первый лед грозит прибрежным травам,
Меня жизнь движения на сны.
Шумел камыш — отобранное право...
(Гуманно, впрочем, только до весны.)

Но именно по этим странным звукам
Сверяю я родившийся мотив.
Вот стонет оценившаяся сука,
Вот врет сорока, хвост позолотив.

Вздыхает озеро, и тихо шепчет роща,
Огонь на строгость линий променяв...
И дней осенних непонятный росчерк
Вдруг ясной песней льется из меня.

Романс

Когда снега обрушатся на город,
Когда дорожкой прежней не пройти,
Я вспомню, что давно уже не молод,
И нет в помине легкого пути.
Ах, как сладка болезнь любви последней,
И, как снега слепые, тяжела.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Давно пожары осени потухли.
Снега искрятся, властвуют снега!
Но хочется к весне готовить туфли
И открывать иные берега.
Твердить бинтам-дорогам, что посредник
И врач не нужен, коли боль мила...
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Как хочется любви лелеять имя:
Как сон ребёнка, сладкий, вещей сон.
Ах, милая, улыбками твоими
Я нынче, как снегами, занесён!
И будь что будет, если в вечер летний
Любовь вдруг скрутит снеговая мгла.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Судьба поэта

От чего так случается, право:
На любого найдется управа,
Успокоится всяк под уздой.
Убедится живой или мертвый:
Жить придется и с Богом, и с чертом.
Вот таков и поэт молодой.

Он уже с малолетства, с пеленок,
В Бога верит и все же – чертенок.
С чертом пьянствует, но до поры.
То смиренный монах, то раскольник,
То буян, то прилежен, как школьник.
Превращенья ему – как дары.

Лишь одно невозможно поэтам:
Кухенрейтеровским пистолетом,
Угрожая смертельно, шутить.
И свой путь и судьбу выбирая,
Умирают поэты, играя, –
Ну не с чертом же вечно дружить!

* * *

Мы были худы и беспечны,
Судьбу целовали в засос.
При этом не знали, что вечны,
Что «жизнь или смерть» – не вопрос

Мы жили, как будто любили:
Еще, и еще, и еще...
За сны не цепляясь, мы в были
Вгрызались упрямым клещом.

Ах, это прошедшее время –
Грамматика небытия!
Опору твою, словно стремя,
Ищу, но не чувствую я.

Любовь – улетевшая птица.
Мечты – только «дом на песке»...
И все же хочу поклониться
Годам, что прошли не в тоске!

Безумствам, бессоннице – бесам,
Укравшим когда-то покой.
Пред тем, как покоям небесным
Махну ослабевшей рукой.

* * *

Умерший друг, ты помнишь ли меня?
Я так хочу поговорить с тобою.
Прошу тебя, не будь слепой водою:
Не загни прибрежного огня.

Умерший друг, я в памяти храню
Все наши встречи: праздники и войны.
Не правда ли, мы были их достойны,
Я верен их прекрасному огню.

Умерший друг, но веришь ли ты мне?
Не станут *Там* мои слова смешными?
Ведь ты теперь с братьями иными.
Что делать мне, горящему в огне?

Умерший друг, пусть спит твой верный конь,
Не торопись во сне ко мне с ответом.
Пожалуй, нет нужды теперь и в этом:
В груди моей кончается огонь!

Я остываю, прошлое браня:
Я не успел поговорить с тобою!
И Лета жрет уже своей водою
Остатки догоревшего огня...

Умерший друг, ты узнаешь меня

Протуберанцы

Снова солнце в неистовом танце.
Раз в одиннадцать лет с колен
Поднимаются протуберанцы –
Предсказатели перемен.

Загрустили и папарацци –
Бизнес солнечный ветер снес.
Ослепляют протуберанцы
Ярче всяких эстрадных звезд.

Кто они? И кому посланцы
Принесут в этот раз успех?
Ведь известно: протуберанцы –
Благоденствие не для всех.

Кто-то в скалах отыщет сланцы,
Кто-то вниз упадет со скал.
Вы – улыбка, протуберанцы,
Солнца? Или его оскал?

Что мы знаем – как в школьном ранце,
Знаний наших – увы и ах!
О, великие протуберанцы,
Сейте доброе в головах!
Снова солнце в неистовом танце,
Вновь сердца наши обожжены.
Мы на танец протуберанцев
Приглашены!

Я созрел. Я хочу свою книгу издать
и не буду от вас своих планов скрывать:
пусть узнает весь мир о пиите!
Дивиденды меня успокоят вполне,
впрочем, речь не совсем о высокой цене –
о бесценности, если хотите.
Есть мечта и существенный ориентир:
я хочу, чтоб её зачитали до дыр,
чтоб вином заливали и кофе.
Пусть какой-нибудь юный филолог-студент,
получив её от президента в презент,
не узнает мой старческий профиль.
Чтоб на полочке было её не найти,
чтоб она, как и я, пребывала в пути,
лоск и цвет, и страницы теряя.
Чтоб в больничной палате лежала с тобой
и с солдатом, когда протрубили отбой.

Чтоб читали её, поверяя
каждый вздох или выбранный путь... Если б так!
Не сломались бы только перо и верстак,
не текла бы дырявая крыша.
Чтоб издатель поверил, редактор простил,
чтобы Бог милосердный грехи отпустил,
и мой сборник таким бы и вышел.
Остаётся не много, совсем пустячок:
сон и праздность повесить на дальний крючок
да отдать своё сердце страницам.
Пусть с подтёками крови, с ожогами глаз
долетят они всё же когда-то до вас,
как на волю попавшие птицы.

Новый ковчег

Смыкает веки век –
Готовьте пятаки.
Запомним этот взгляд –
Воинственный и нежный.
Жаль, нет длиннее рек
Молитвенной строки,
Чтобы пропеть подряд
Ее сто раз прилежно.

Двадцатый, мой родной,
Неласковый отец,
За что ты нас любил,
За что лупил нещадно?
Я, как прилежный Ной,
Как скряга и купец,
Возьму все, что скопил,
С собой в век новый. Ладно?

Смыкает веки век,
Но не дает ответ.
Не хочет отдавать, –
Я чувствую спиною, –
Ни боль сибирских рек,
Ни золото монет,
Лишь просит прочитать
Еще разок про Ноя.

Ну что же, перечту
Библейские стихи,
Перекрещу очаг
Последнего ночлега.
Смыкает веки век –
Готовьте пятаки
И мирный белый флаг
Для Нового ковчега.

Помни о Сократе

Ты смертельную принял
цикуту от судей афинских –
Но не тебе, а себе
смерть обрели они в ней.

Ах, как беспечно дни текут
В страданиях и гульбе.
И вот уже несут цикуту
Не внявшие тебе.

Понявшие тебя молчат,
И белый флаг в руках.
У них еще сильнее яд:
Предательство и страх.

И кто опасней для тебя –
Те, кто замки замкнут,
Иль те, кто, вроде бы щадя,
Уже несут цикуту?

Что делать? Пей – коль не поешь
Ты песни, что нужны
Тем, у кого в кармане нож
Почти для всей страны...

Проходят дни. Века текут.
Надежда так бледна...
Несут цикуту, несут цикуту...
И чаша та – без дна!

Размышления в канун юбилея

Я жил не так, старик, не так:
мог провести меня простак,
сосед обворовать.
Я слишком верил в чудеса,
в героев сказочный десант –
спасительную рать.
Случайных женщин ублажал,
не видя их змеиных жал,
что дремлют меж цветов.
А материнскую ладонь
вдруг отводил – меня не тронь...
Вот глупость мужиков.
Я был, как вешняя вода,
до тридцати не вил гнезда
и в сорок был старик.
А в пятьдесят вновь молод был
и вновь обрёл любовь и тыл,
влюбившись в детский крик...

**Я жил не так, старик, не так:
я поздно понял, что верстак
важнее сцены, да!
Что есть перрон и есть вагон,
вокзал, буфет... Но перегон
лишь любят поезда.
Дорога – вот, что, друг мой, есть,
дорога – вот затишью мечь,
и лени, и гульбе!
Дорога – мой тяжёлый крест.
Дорога – тяга к смене мест...
И долгий путь к Тебе.**

**Я жил не так, старик, не так,
я часто пылся, как рак,
в уныние и грусть.
И сомневался: буду ль в срок
у цели, выучу урок
и в жизни разберусь?
Частенько думал: опоздал...
Но грех роптать, Господь всем дал
по силам свой завет.
И значит, жил я так, как мог,
и верю – так управил Бог,
иной дороги нет.**

**Кто скажет мне, что жил не так –
друг, недруг, женщина, проstack?
Притихну, не дыша,
чтобы услышать приговор.
Жил... И живу – не жлоб, не вор...
Так, как велит Душа!**

ШИГИН Борис Владилениович (род. 24.12.1952) – журналист, поэт, бард, главный редактор пензенского литературного журнала «Сура», Заслуженный работник культуры РФ. Автор поэтических сборников «Моим друзьям»(1992), «Запечатлеть движения души»(1995), «Девятый возраст» (1997), «Новый ковчег»(2000), «Стихотворения и песни»(2002), «Пока решает третья Парка»(2007), «Я двух женщин люблю»(2007), «По алфавиту» (2017). Стихи Шигина публиковались в российских литературных журналах «Москва», «Подъём», «Волга XXI век», «Русское эхо», «Странник», «День и ночь», а так же в Германии, Израиле, США. Автор песенных альбомов, вышедших на CD: «Мелодия души», «Пока горят костры», «Зазимье», «Не печалься», «По алфавиту». С 2003 г. Б.В. Шигин – главный редактор Пензенского литературного журнала «Сура». Сегодня в журнале публикуются авторы из десятка стран и пятидесяти регионов России. В 2014 году редакция была удостоена Премии им. М.Ю. Лермонтова за сборник статей о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова «Под Лермонтовской звездой».